

**ЦИКЛ А. С. ПУШКИНА «СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ
ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ (1829)»:
ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹**

Аннотация: В статье «кавказский» цикл А. С. Пушкина рассматривается как некое «сверхжанровое единство» (М. Н. Дарвин). Проанализированы различные редакции цикла. С позиции имагологии в архитектурном единстве цикла выявлены системные принципы освоения образа «другого» – изображения «человека Востока» и Кавказа как «чужого» локуса. Ставится вопрос об особенностях категорий «другой» и «чужой» применительно к ориентальным мотивам Пушкина.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)», лирический цикл, имагология, образ «другого», ориентализм.

Кавказ всегда был для Российской империи «чужим» локусом. Его можно было воспринимать как зеркальное отражение мира русского человека, ведь с географической точки зрения он был частью государства, т. е. территорией «своего», однако в сознании он выступал именно как «чужое» место. Отсюда, между прочим, и противопоставление *Кавказ – Россия* в данном контексте как именно *Восток – Запад*. Такие «насыщенные символы, опирающиеся на географическую реальность, но фактически императивно над ней властвующие» [Лотман, URL] проявляли себя в полной мере в различных формах выражения, в том числе и в русской лирике (шире – в литературе) первой трети XIX века.

С позиции имагологии нам было важно разграничить понятия «чужого» и «другого». Под «чужим» подразумевается образ враждебный, формально закрытый для познания посредством диалога. «Другой» же – образ, способ-

1 Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Олега Васильевича Зырянова.

ный «к диалогическому общению, предполагающему уже выход за пределы Я-языка и Я-логики и хотя бы потенциальную соприкосновенность к Ты-языку и Ты-логике» [Топоров, с. 8].

Герой лирического произведения, как правило, стремится к диалогизму. С этим связан, например, ориентализм – подражание Востоку, которое, в свою очередь, противопоставляло его Западу. Можно говорить о том, что глубинное осмысление восточной темы приходится на конкретный историко-литературный этап: «только в романтической традиции образ этнически “другого” обнаруживает существенный культурно-диалогический потенциал» [Зырянов, с. 177]. А Пушкин был одним из тех немногих поэтов, кто не следовал «моды на Кавказ», а глубоко пропускал его через свое творчество: для него «Восток оказывался частью внутреннего опыта» [Иванов, с. 447].

Ориентализм проявился в различных жанрах русской лирики, в том числе и в составе лирических циклов. В этом плане «Кавказский цикл» (Н. В. Измайлов) А. С. Пушкина «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» можно рассматривать как «сверхжанровое единство» [Дарвин, с. 13], целостное произведение, в котором (с учетом обеих его редакций) прослеживаются различные связи образов «своего» и «другого».

Первая редакция цикла в сборнике «Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть» 1832 года имела следующий состав: I. Кавказ, II. Обвал, III. Монастырь на Казбеке, IV. Делибаш, V. «На холмах Грузии лежит ночная мгла», VI. Из Гафиза (лагерь при Евфрате), VII. Дон, VIII. Олегов щит. Вторая редакция, спланированная поэтом в 1836 году, приобрела уже иной вид: I. Дорожные жалобы, II. Калмычке, III. «На холмах Грузии лежит ночная мгла», IV. Монастырь на Казбеке (в схеме обозначен как МК), V. Обвал, VI. Кавказ, VII. Из Гафиза (лагерь при Евфрате), VIII. Делибаш, XIX. Дон.

Приведем схематическое изображение смысловой архитектоники второй редакции цикла.

Как явствует из приведенной схемы, помимо линейного взаимодействия рядом стоящих стихотворений в составе цикла выделяются концентрические круги с определенными авторскими установками, чередованием различных доминант: например, «женские» и «мужские» номинации, мирная и военная обстановка действия, эстетическая модальность, пространственно-временные отношения. Рассматриваемый цикл с полным правом можно назвать «интегративным», в котором «устранение каждого текста деструктивно» [Тюпа, с. 54].

В обеих редакциях присутствует «рамочный текст», воплощенный по-разному в каждом варианте цикла. В первой редакции обрамление осуществляется по схеме *свой – чужой* («Кавказ» – «Олегов чит»), а саму раму образуют в первом и последнем стихотворениях следующие строки: «вражда бесполезная» в «Кавказе» [Пушкин, т. 3, с. 135] и «вражда кровавая» в «Олеговом щите» [Там же, с. 188]. В «Стихах, сочиненных во время путешествия (1829)» композиционная «рамка» выстроена иначе, уже по принципу *свой – свой*, когда родные пейзажи обрамляют картину Кавказа. Но «Дорожные жалобы» и «Дон» не только части рамочной структуры, вообще принципиально важна их последовательность. Так, в начале цикла в «Дорожных жалобах» появляется «свой», который, на первый взгляд, выражает только идею любви к родному краю: «То ли дело быть на месте, / По Мясницкой разъезжать» [Там же, с. 123]. Но в стихотворении прослеживается также и непринятие «чужой» стороны, «ироническое, даже шутовское по форме, но полное внутренней тоски и тревоги раздумье» [Измайлов, с. 222]:

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине
[Там же].

В стихотворении «Дон», напротив, нет негативного противопоставления «своего» и «чужого», здесь изображаются «родственные» отношения между реками Российской империи и Кавказа: «Как прославленного брата, / Реки знают тихий Дон» [Пушкин, т. 3, с. 122].

Второй концентрический круг цикла – стихотворения «Калмычке» (II) и «Делибаш» (VIII), в которых ирония становится одним из ключевых приемов: сначала при описании внешности восточной красавицы, затем при описании военной схватки «своего» и «чужого».

Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног;
[Там же, с. 113]

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.
[Там же, с. 138]

При этом следует заметить: если в «Калмычке» ирония реализуется в относительно «безобидной» теме флирта, то в «Делибаше» она сопряжена уже с серьезными антимилитаристскими настроениями.

Третью композиционную пару образуют стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла» (III) и «Из Гафиза (Лагерь при Евфрате)» (VII). Примечательно, что оба стихотворения либо в плане содержания, либо формально оказываются свободны от собственно кавказского локуса. Так, указание на Грузию, используемое поэтом для создания определенной атмосферы, приводит к тому, что первое произведение оказывается фактически «отвлечено от воспоминаний 1820 г. и посвящено другим мыслям – о новой любви, ничем не связанной с Кавказом» [Измайлов, с. 221]. Это выражение чувства, испытываемого независимо от «чужого» локуса, ведь изначально название звучало иначе: «Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла». Таким образом, Пушкину было важно заменить одно место действия другим. В качестве поясняющего комментария приведем отрывок из «Путешествия в Арзрум»: «Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен <...> Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные

ущелия и грозный Терек» [Пушкин, т. 6, с. 655–656]. В стихотворении «Из Гафиза» примечательна содержащаяся в заглавии отсылка к персидскому поэту (при всей ее возможной мнимости), выполняющая как минимум двойную функцию: с одной стороны, она способна «мотивировать специфический характер восточного эротизма» [Зырянов, с. 21], а с другой – открывает возможность политически обезопасить поэта и замаскировать его отклик на реальные исторические события (действия русско-турецкой войны).

Далее в цикле предстают три центральных «кавказских» текста: «Монастырь на Казбеке», «Обвал» и «Кавказ». О стремлении к разделению интегративного цикла на триптихи писал В. И. Тюпа, называя их «жесткими архитектурными микроансамблями текстов» [Тюпа, с. 54]. Пушкин изначально позиционирует это единство как триптих, но его положение в цикле и последовательность стихотворений в нем меняются с течением времени. Если в первой редакции эта триада открывает цикл, то во второй она становится структурно-семантическим ядром цикла.

С пространственной точки зрения в «Монастыре на Казбеке» обнаруживается стремление лирического героя *вверх*: «Туда б, в заоблачную келью, / В соседство Бога скрыться мне!» [Пушкин, т. 3, с. 139]. В «Кавказе» же, напротив, положение героя кардинально меняется на противоположное – это уже взгляд *сверху вниз*: «Кавказ подо мною <...> / Здесь тучи смиренно идут подо мной» [Там же, с. 135]. Центральное же стихотворение триптиха «Обвал» включает в себе негативное восприятие, присущее представлению о Кавказе как о «чужом» локусе: «И долго прорванный обвал / Неталой грудой лежал, / И Терек злой под ним бежал» [Там же, с. 136]. В рамках триптиха это можно рассматривать как промежуточную ступень между «Монастырем на Казбеке» и «Кавказом»: чтобы прийти к постижению «чужого» локуса и сделать его «другим» по отношению к себе, поэту требовалось не только созерцание его положительных сторон, но и осознание присущей ему суверенности и непокорности, подкрепленной в стихотворении мужскими клаузулами и контрастным чередованием строчек разноstopного ямба.

В обрамляющих эти «кавказские» тексты концентрических кругах можно заметить одну особенность, а именно – чередование названий стихотворений по родовому принципу: с одной стороны, «Дорожные жалобы», «Калмычке»,

«На холмах Грузии», а с другой – «Из Гафиза», «Делибаш», «Дон». Соответственно, можно выделить и такие триады, условно обозначенные как «женские» и «мужские».

В первом триптихе с «женскими» названиями изображены разные культурноисторические типы любви: если в «Дорожных жалобах» лирическому герою доводится о невесте «на досуге помышлять», то в послании «Калмычке» уже на «чужой» этнокультурной территории воспеваются индивидуальность и самобытность некоей восточной «красавицы». Встреча с нею в «кибитке кочевой» описана еще в «Путешествии в Арзрум»: «калмыцкое кокетство испугало меня» [Пушкин, т. 6, с. 644]. В стихотворении же все парадоксально иначе: калмычка не пугает, а занимает «ум и сердце» своей «дикой красотой». В противопоставлении путешественника и калмычки важную роль играют такие факторы, как «конфессиональные различия, и исторические коллизии, и различия в уровне культурного развития» [Земсков, URL], но они не получают негативной реализации при создании этностереотипов. Пушкин не обвиняет героиню в том, что она приоткрывается как «другая» для русского человека. Что касается стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла», то оно, выражая «пафос светлой печали» (С. Франк), платоническое воплощение чувства, оказывается свободным и от мыслей о возможной женитьбе («Дорожные жалобы»), и от иронических интенций в изображении восточной красавицы («Калмычка»).

Заключающий цикл триптих («Из Гафиза», «Делибаш» и «Дон»), который недаром приходится на «мужские стихотворения», выражает важную для Пушкина антимилитаристскую идею. В пространственно-временном отношении их можно трактовать как последовательное изложение военных событий: «Из Гафиза» – предостережение еще молодому человеку перед битвой («Не пленяйся бранной славой, / О красавец молодой!» [Пушкин, т. 3, с. 117]); «Делибаш» – изложение губительных последствий войны для обеих враждующих сторон, причем с использованием на уровне фразеологии «контаминации авторского текста (“авторского слова”) и текста какого-то другого лица (“чужого слова”))» [Успенский, с. 48] («Делибаш! не суйся к лаве», «Эй, казак! не рвися к бою» [Пушкин, т. 3, с. 138]); последнее в составе триады стихотворение «Дон» – подведение итогов войны, утверждение идеи мира и родства.

Таким образом, в пушкинском цикле «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» обнаруживается торжество конвергентного сознания, носитель которого смотрит на мир через призму своего менталитета, но при этом не подразумевая какой-либо негативной оценки «другого», вступая с ним в диалогический контакт. Как писал М. Н. Дарвин, «Пушкин вслед за Байроном считал, что в увлечении восточным европейский поэт должен сохранять вкус и взор европейца» [Дарвин, с. 55]. Но именно его «всемирная отзывчивость» (Ф. М. Достоевский) позволяет применительно к данному циклу говорить об оппозиции *свой – другой*, а не *свой – чужой*. Пушкин сумел тонко прочувствовать эстетику ориенталистского направления, проявив способность к рецепции всего лучшего, что смогла предложить ему конкретная (в данном случае – восточная) культура.

Список литературы

Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). – М.: Советский писатель, 1967. – 723 с.

Бонди С. М. Все тихо – на Кавказ идет ночная мгла // Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1978. – С. 11–25.

Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики: учеб. пособие. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1983. – 103 с.

Иванов В. В. Темы и мотивы Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы: стихотворения и поэмы / [сост. Л. Е. Черкасский, В. С. Муравьев; отв. ред. П. А. Гринцер; послесл. В. В. Иванова]. – М.: Наука, 1985. – С. 424–470.

Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20–30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. – Л.: Наука, 1975. – С. 213–269.

Земсков В. Б. Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) [Электронный ресурс] // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. №1. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=37&binn_rubrik_pl_articles=238 (дата обращения: 10.02.19)

Зырянов О. В. А. С. Пушкин и культура Востока: об одном антимилитаристском сюжете в цикле «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. Ч. IV. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – С. 20–23.

Зырянов О. В. Освоение образа человека Востока в русской поэтической традиции (от Г. Р. Державина к М. Ю. Лермонтову) // Поэтика и риторика диалога: сб. науч. ст. (к 60-летию проф. Т. Е. Автухович). Гродно: 2011. – С. 166–177.

Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом [Электронный ресурс] // Знамя. – 1997. – № 9. URL: <http://www.lingvotech.com/lotman-97> (дата обращения: 19.02.19).

Пушкин А. С. Полное собр. соч. в 10 т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Топоров В. Н. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русколитовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в средние века (сборник тезисов). – М., 1990. – С. 4–14.

Тюпа В. И. Градация текстовых ансамблей // Европейский лирический цикл. Историческое и сравнительное изучение: материалы междунар. науч. конф., Москва – Переделкино, 15–17 ноября 2001 г. – М.: [РГГУ], 2003. – С. 50–63.

Успенский Б. А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы // Успенский Б. А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 7–218.